

© 2018 г.

Ю.А. НИСНЕВИЧ

РЕГЕНЕРАЦИЯ НОМЕНКЛАТУРЫ КАК ПРАВЯЩЕГО СОЦИАЛЬНОГО СЛОЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич — доктор политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (jnisnevich@hse.ru).

Аннотация. Анализируется процесс регенерации номенклатуры как правящего социального слоя постсоветской России после революционных событий 1990-х гг. Номенклатура не государственная бюрократия и не меритократическая элита, а социальное явление, порождаемое и онтологически присущее советским политическим режимам. Процесс регенерации начался с заполнения представителями советской номенклатуры структур новой российской власти. Этому способствовала «приватизация по-русски», которая привела к формированию номенклатурно-олигархических кланов. Эти кланы, их борьба за власть и ресурсы составляют основу жизнедеятельности российской номенклатуры. В период второго срока президентских полномочий Б. Ельцина существенно интенсифицировался процесс «скупки государства» номенклатурно-олигархическими группами, усилилась инкорпорация их представителей и лоббистов в органы исполнительной и законодательной власти. Операция «преемник», в результате которой в 2000 г. президентские полномочия получил В. Путин, ознаменовала окончательное становление номенклатурно-олигархического режима как правящего в постсоветской России и закрепление российской номенклатуры как господствующего социального слоя.

Ключевые слова: номенклатура • элиты • правящий социальный строй • советское наследие • постсоветская Россия

DOI: 10.31857/S013216250000769-8

Введение. Породившие крах советского режима распад СССР и образование постсоветской России события начала 1990-х гг. носили революционный характер. Они были направлены не только на преобразование политических и государственных институтов, но и на новое обоснование политической власти в результате смены правящего социального слоя [Голдстоун, 2006].

Для оценки результатов революции необходимо определить, что представлял собой правящий слой, на смену которого революция была направлена, и произошла ли его реальная смена. В этом заключается исследовательский вопрос, для ответа на который используется классический метод исторического анализа в сочетании с социально-антропологическим подходом [Борьба с ветряными мельницами, 2007].

Советская номенклатура: механизм формирования и онтологические свойства. Советские режимы во всех социалистических государствах осуществлял «класс номенклатуры» [Восленский, 2005] или «новый класс» [Джилас, 1992]. В СССР партийно-хозяйственная номенклатура возникла в период правления И. Сталина как перечень руководящих должностей, назначение на которые утверждалось партийными органами [Большой энциклопедический словарь, 2003: 745], т.е. как бюрократическая структура, быстро переродившаяся в господствующий социальный слой.

Хотя значительную часть советской номенклатуры составляли госчиновники, она качественно отличалась от бюрократии. Номенклатура — это социальный феномен, тогда как государственная бюрократия — это управленческий аппарат государства. «По существу же между чиновничеством и номенклатурой нет ничего общего. Чиновники — привилегированные слуги, номенклатурщики — самовластные господа» [Восленский, 2005: 134]. Номенклатура ни по механизму своего формирования, ни по своим онтологическим свойствам не является меритократической элитой. Использование в отношении номенклатуры понятия «элита» создает ей некий ореол исключительности и избранности, в определенной мере обосновывая ее правление и доминирующее положение в обществе.

Онтологические свойства номенклатуры определяются, прежде всего, механизмом ее формирования. Этот механизм в СССР состоял в назначении на руководящие должности по решению органов КПСС, но фактически такие назначения осуществлялись по протекции конкретных партийных функционеров соответствующего уровня партийной иерархии и оформлялись решениями партийных органов. Реальным механизмом формирования номенклатуры служил протекционизм при назначении на руководящие должности, исходя из личной преданности, т.е. политический nepотизм — один из видов коррупционных деяний.

Номенклатура представляла собой конкурентную социальную среду, в которой борьба за доминирующее положение происходила между кланами и их группировками, возникавшими на основе родственных, образцовательных и производственных связей, принципов землячества, национальной и социальной близости. Но ключевым всегда оставался принцип личной преданности клану и его лидерам. Однако личная преданность не была постоянной. Умение вовремя предать и примкнуть с целью карьерного роста к той группировке, которая завоевывает доминирующее положение, служило ключевым механизмом вертикальной мобильности в номенклатурной среде. «Способность "идти по трупам" — одна из определяющих черт образа жизни, коренная предпосылка служебного роста» [Джилас, 1992: 241].

Советская номенклатура всегда стремилась, обладая властью, достичь социального превосходства и материального обогащения. В условиях административно-командной экономики, при перманентном дефиците товаров и услуг деньги не играли определяющую роль. Для самообогащения номенклатура использовала созданный ею для этих целей механизм распределения материальных льгот и привилегий (*квартиры, машины и дачи, привилегированные дома отдыха и санатории, закрытые распределители продуктов, товаров и услуг*). «Захвачено было все: дачи, лучшие квартиры, мебель и т.п. Высшая бюрократия, элита нового класса, жила в особых районах, отдыхала на особых закрытых курортах. Партийный секретарь и шеф тайной полиции сделались повсеместно не только высшей властью, но и людьми, которым принадлежат лучшие квартиры, машины и прочее. Вслед за ними по служебному ранжиру выстраивались остальные. Государственные средства, «подарки», строительство и переоборудование якобы для нужд государства и целей представительства — все это вечные, неиссякаемые источники благ, предназначенные для политбюрократии» [Джилас, 1992: 217-218].

Обширный комплекс благ и привилегий номенклатуры — это безденежная материальная форма «коррупции по-советски». Требования ее отмены стали одним из катализаторов массовых протестных выступлений против советских режимов, в т.ч. и в СССР, в конце 1980 - начале 1990-х гг. Эта система обеспечивала неправомерное распределение в пользу номенклатуры общенациональных ресурсов и так называемой общенародной, социалистической собственности, которой она фактически владела, пользовалась и распоряжалась.

Единственное, что не могла номенклатура — это передавать социалистическую собственность по наследству. Но так называемую личную собственность, приобретенную посредством льгот и привилегий (квартиры, дачи, машины и т.д.), а также накопленные за счет высокой зарплаты денежные средства и материальные ценности (ювелирные украшения, предметы искусства и другое) передавались по наследству и накапливались в номенклатурных семьях. Использование номенклатурных связей предоставляло детям партийных и государственных чиновников высокие должности, а потому и возможность управлять социалистической собственностью. Тем самым создавалась наследственная номенклатура. Государственная власть рассматривалась номенклатурой как средство удовлетворения ее материальных и социальных интересов. При этом основу ее жизнедеятельности составляло использование в корыстных целях должностных полномочий и властного административного ресурса.

Становление российской номенклатуры как правящего социального слоя: «скупка» государства. В ходе революционных событий 1991-1994 гг. начался процесс формирования новой российской государственной бюрократии, которая быстро обрела номенклатурные очертания. Представители прогрессистской части советской номенклатуры, пришедшие во власть вместе с представителями демократического движения, воссоздали в президентских и правительственных структурах, сформированных после избрания Президентом России Б. Ельцина (июнь 1991 г.), органически присущие им методы и механизмы кулуарного принятия управленческих решений, межличностных и групповых взаимодействий в процессе их подготовки. Регенерации методов и механизмов советской номенклатуры способствовал ряд обстоятельств.

Во-первых, под жестким давлением консервативной части советской партийно-хозяйственной номенклатуры президент Б. Ельцин вынужден был постоянно маневрировать. Идя на уступки ВС РСФСР, он в качестве компромисса включал в состав высшего руководства страны ее представителей из числа так называемых «крепких хозяйственников». Так, в декабре 1992 г. главой российского правительства вместо поддерживаемого демократическим движением Е. Гайдара был назначен «крепкий хозяйственник» В. Черномырдин.

Во-вторых, средние и нижние звенья российского госаппарата были практически полностью укомплектованы чиновниками из партгосаппарата СССР и РСФСР. Это оказалось одним из самых серьезных стратегических просчетов лидеров демократического движения. Они полагали, что для быстрого включения в работу вновь создаваемых российских структур государственного управления практически не было других кадров и другого пути, кроме привлечения знающих прежний хозяйственный механизм советских чиновников.

В-третьих, немногочисленные представители демократического движения, первоначально привлеченные во властные структуры, ошибочно сделали ставку только на их персональную поддержку президентом Б. Ельциным без опоры на устойчивые политические структуры. Поэтому частично новая по составу, а по сути основных механизмов функционирования старая номенклатурная среда быстро вытеснила их из властных структур.

В-четвертых, процессу регенерации способствовала и «приватизация по-русски». Ее номенклатурный генезис подтверждает ее главный организатор А. Чубайс: «Новые русские» - они либо из старого советского директората, со всеми его минусами и плюсами. Либо из бывших кооператоров и всяких прочих коммерсантов от перестройки. Либо из представителей бывших региональных политических элит. У всех у них свои «родимые пятна», но именно из них и рекрутируется реальный стратегический собственник» [Приватизация по-русски, 1999: 363]. Однако «новые русские» имели общее номенклатурное прошлое, и поэтому «реальным стратегическим собственником», способным обеспечить национальное развитие, они так и не стали.

Такому развитию ситуации с политической и государственной властью во многом способствовало состояние российского общества, которое определил социальный феномен, подобный феномену «восстание масс» [Ортега-и-Гассет, 2003]. В результате революционных событий начала 1990-х гг. была разрушена советская социальная иерархия, на вершине которой стояла господствующая советская номенклатура, и возникла возможность для того, чтобы «вся власть в обществе перешла к массам», в данном случае к российским гражданам, освободившимся от оков советской системы. Масса социальной энергии вырвалась наружу, но, как и предупреждал Х. Ортега-и-Гассет, эта энергия, не будучи еще достаточно упорядоченной в целях поступательного развития, обладала как созидательным, так и разрушительным потенциалом, который выражался, прежде всего, в том, что «когда у массы возникнут затруднения или просто разыграются аппетиты, она не сможет не поддаться искушению добиться всего самым верным и привычным способом — без усилий, без сомнений, без борьбы и риска, — одним нажатием кнопки путив в ход чудодейственную машину государства» [Ортега-и-Гассет, 2003: 112-113].

К сожалению, российское общество, основную массу которого составляли зараженные идеями советского этатизм люди типа «человек советский» [Советский простой человек, 1993], подобного «человеку массы», пошло по пути массового общества, создающего социальную основу для тотального проникновения патерналистского государства во все сферы жизни социума, что является следствием онтологических свойств людей этого типа.

Для «человека советского» мир предельно прост и понятен, он разделяется на «мы» и «они». Такая устойчивая установка враждебности ко всему чуждому и чуждому представляет собой «удобную платформу для ксенофобии, для завистливой подозрительности по отношению к иностранцам, инородцам и инакомыслящим» [Советский простой человек, 1993: 12]. «Человек советский» привержен эгалитаризму, и сам определяет свое положение на гипотетической лестнице социальных статусов как среднее и ниже среднего. Так, в 1989 г. 69% опрошенных располагали себя на 3-6 ступенях «общественной лестнице» (1 – нижняя ступень, 11 – верхняя), и в 1991 г. таких было почти столько же — 72% с некоторым смещением такого распределения, весьма близкого к распределению по уровням материального достатка в сторону нижних ступеней [Советский простой человек, 1993: 19].

В рамках советской партийно-государственной иерархии эгалитаризм носил специфический иерархический характер. С разрушением в 1991 г. советской партийно-государственной системы был утрачен присущий советскому обществу иерархический характер эгалитаризма. Однако эгалитаризм как таковой сохранился в качестве онтологической черты «человека советского» и в условиях постсоветской России, но и в этих условиях он не приобрел достижительный характер. Косное и самодостаточное большинство советских людей, приученных к пассивности, быть «как все», не выделяясь и уповать на власть, осталось приверженным эгалитаризму по-советски как «равенству в нищете». Так, в 1989 г. иметь без особых усилий небольшой заработок предпочитало 54% респондентов, а в 1994 г. количество таких респондентов увеличилось до 58%, в то время как количество тех, кто предпочитали много работать и хорошо зарабатывать, за этот же период уменьшилось с 27 до 23%, не говоря уже о тех, кто рискнул бы иметь собственное дело — 9 и 6% соответственно [Левада, 2011: 58]. При этом не только сохранилось, но, как представляется, еще и заметно усилилось такое «живое и живучее наследие» советского стандарта мышления и поведения как «черная», злобная зависть к чужим успехам. Этими онтологическими свойствами «человека советского» умело воспользовалась номенклатура, которая вернула себе политическую и государственную власть.

Номенклатура быстро адаптировалась к новой конституционной модели государственного устройства. А главное, достигла своей стратегической цели – вернулась к власти и практически полностью овладела всеми рычагами государственного управления, хотя ее власть вначале была неустойчивой и хаотичной. Эта новая-старая номенклатура, не превышавшая в середине 1990-х гг. 2% от граждан РФ, в течение нескольких лет стала ведущей силой, навязавшей российскому обществу направление и модель политических, экономических и социальных трансформаций.

Победивший в постсоветской России политический режим трансформировался в номенклатурно-олигархический, опирающийся на политико-экономические группировки, возникшие в процессе «приватизации по-русски». Такие структуры формировались путем слияния федеральной и региональной госбюрократии с нарождающимися финансово-промышленными группами (ФПГ) в процессе капитализации номенклатурных связей и личного статуса руководителей этих групп. В основе этого процесса — обоюдные экономические и политические интересы личного и корпоративного обогащения.

В результате проведения залоговых аукционов резко изменился ландшафт предпринимательского сообщества. В нем выделилась группа богатейших предпринимателей, получившая возможность влиять на принятие не только экономических, но и политических решений. Окрепнув и накопив значительные финансовые и материальные ресурсы, ФПГ стали оказывать реальное влияние на новую российскую власть. Для этого использовались не только прежние советские номенклатурные связи, но и создавались новые. Лоббистов интересов ФПГ внедряли в структуры власти, образуя новые номенклатурно-олигархические группировки.

Так формировалась новая российская номенклатура — тесное переплетение госбюрократии и аффилированных с властью ФПГ, уходящая корнями в номенклатуру советскую. Она стала правящим социальным слоем и главным политическим актором на политической сцене России. При этом жесткая конкуренция между номенклатурно-олигархическими группировками, опирающимися на разные ФПГ, стала доминирующим фактором, определяющим ход политических и социально-экономических процессов. При этом публичную политическую конкуренцию заместила латентная схватка личных и групповых интересов.

Существенную роль в становлении российской номенклатуры как правящего слоя сыграла онтологически присущая ей способность адаптировать адекватно своим интересам возникшие демократические порядки и институты. Так, начиная с выборов в Госдуму 1995 г. бизнес-составляющая российской номенклатуры — отраслевые корпорации и ФПГ приступили к «скупке государства», продвигая представителей своих интересов в состав депутатского корпуса с целью формирования удобного для себя законодательства. Скупка государства определяется как «способность фирм воздействовать на формирование базовых правил игры (т.е. законов, указов, положений и инструкций) посредством незаконных и непрозрачных частных выплат публичным должностным лицам» [Hellman, Jones, Kaufmann, 2000: 2].

Важным этапом в процессе становления номенклатуры стали президентские выборы 1996 г., в результате которых Б. Ельцин был переизбран на второй срок. На этих выборах номенклатура продемонстрировала способность к временной консолидации группировок перед лицом общей для их господствующего положения угрозы. Такой гипотетической угрозой был возврат к власти консервативной части бывшей советской номенклатуры, оппозиционной правящему режиму, во главе с лидером КПРФ Г. Зюгановым. Перед лицом этой угрозы влиятельные номенклатурно-олигархические группы в январе 1996г. в Давосе заключили «водное перемирие». Это сыграло значительную роль в переизбрании президента Б. Ельцина на второй срок, поскольку обеспечило мобилизацию существенных финансовых и медийных ресурсов. Стимулом перемирия были риски банков - участников залоговых аукционов. Они оказались заложниками исхода выборов, т.к. в случае избрания президентом России Г. Зюганова предприятия, которые по договору залога должны были стать собственностью банков, могли им уже не достаться.

После парламентских и президентских выборов 1995-1996 гг. скупка государства номенклатурой интенсифицировалась, как и процесс инфильтрации ее представителей в структуры государственной власти. Наиболее известные примеры – назначения первым заместителем председателя Правительства РФ В. Потанина (1996-1997) и заместителем секретаря Совета безопасности РФ Б. Березовского (1996-1997).

По мере слияния бизнеса и власти усилилось влияние номенклатурно-олигархических группировок на управление делами государства. Президент Б. Ельцин писал: «Я не сразу осознал масштаб этого явления и всю его опасность. Да, в политику вступили большие деньги. Именно эти “политические” деньги представляют сейчас серьезную угрозу для развития России. Уже не коммунисты, не гражданская война или смута, не местный сепаратизм, не наши доморощенные наполеоны в генеральских погонах — а большие деньги, которые пожирают друг друга и заодно сносят всю политическую конструкцию, выстроенную с таким трудом» [Ельцин, 2000: 104-105].

Основной проблемой для консолидации номенклатуры в период президентства Б. Ельцина стала социально-экономическая нестабильность. Во многом это определялось предельно низкими ценами на нефть и другие энергоносители на мировых рынках. Дефолт 1998 г. ускорил становление номенклатуры как правящего слоя России.

Во-первых, после поражения на выборах лидера КПРФ Г. Зюганова консервативная часть бывшей советской номенклатуры отказалась от публичной политической конфронтации с правящим режимом. Многие ее представители начали интегрироваться в социально близкую ей новую российскую номенклатуру. Особенно возрос приток бывших советских номенклатурных кадров в структуры российской власти именно после дефолта 1998 г.

Это ускорило процесс заполнения системы российской публичной власти представителями советской номенклатуры, подавляющее типологическое большинство которых составлял «человек советский». И эта разновидность такого социального типа в еще большей степени, чем основная масса советских людей, была привержена государственно-патерналистской ориентации и имперскому синдрому, а также персонализированному восприятию власти, что способствовало формированию правящего режима авторитарного типа. Таким образом, к концу периода революционных преобразований в постсоветской России сформировалась в основном гомогенная социальная среда, в которой «человек советский» составил подавляющее типологическое большинство как в управляющем, так и во всех управляемых социальных слоях и группах. При этом доминирующее большинство советских людей тяготело, если и не к тотальному государству, то к государству как всезнающему и всеильному институту социального принуждения,

было в существенной мере привержено наведению порядка «твердой» рукой, и в меньшей — демократии. Так, по результатам исследований, проведенных в июне 1992 г., 63% респондентов высказались за необходимость, прежде всего, наведения порядка и только 17% — за демократию [Советский простой человек, 1993: 94]. А результат разнообразных последующих исследований показал, что к концу периода революционных преобразований сформировалась «российская политическая культура, создавшая благоприятные условия для развития авторитарной тенденции» [Сафронов, 2007: 39].

Во-вторых, начался процесс активного вхождения «людей в погонах» в органы госвласти на федеральном и региональном уровне, т.е. в правящую номенклатурную среду. Наиболее яркий пример — политические карьеры генералов А. Лебедея и Л. Рохлина. В логике этих тенденций лежат и последовательные назначения на должность председателя Правительства РФ после дефолта 1998 г. в качестве «кастинга на роль преемника» представителей силовых структур Е. Примакова, С. Степашина, В. Путина и выбор последнего в качестве преемника президента Б. Ельцина.

Успех операции «преемник», в результате которой в 2000 г. президентом России стал В. Путин, во многом определился полным соответствием этой фигуры тенденции «советизации» правящего режима и становлению номенклатуры с одновременным усилением ее силовой составляющей. Кандидатура В. Путина отвечала доминирующему в российском обществе постреволюционному ожиданию стабильности и порядка в их патерналистском понимании.

Операция «преемник» — ключевое событие в окончательном становлении правящего номенклатурно-олигархического режима в постсоветской России и номенклатуры как господствующего социального слоя. На выборах 2000 г. произошла смена персоналии на посту Президента России, но при этом не произошла смена политико-социального представительства в институте президентской власти — он окончательно оформился как ключевой институциональный форпост правящего режима.

К концу срока президентских полномочий Б. Ельцина российская номенклатура полностью сформировалась как правящий социальный слой. Она представляла собой прямую наследницу номенклатуры советской, поскольку среди ее государственно-бюрократической составляющей насчитывалось 77% выходцев из советской номенклатуры, а среди экономической составляющей — 41%. Кроме того, среди 59% остальных предпринимателей значительную часть составляли выходцы из номенклатурных семей и «уполномоченные» номенклатурно-олигархических группировок [Крыштановская, 2005: 318].

Российская номенклатура и захват государства. Появление на должности президента РФ выходца из спецслужб В. Путина произошло в полном соответствии с номенклатурным nepoтизмом — подбором кадров по критерию личной преданности. Это закономерно привело к резкому усилению притока в структуры власти «людей в погонах»; прежде всего, из бывших советских спецслужб (КГБ, ГРУ и т.п.). Присутствие «силовиков» в органах власти с 1988 г. увеличилось почти в 7 раз, а в высшем руководстве государства — почти в 12 [Крыштановская, 2005: 270]. При М. Горбачеве в 1988 г. их доля составляла 3,7%; при Б. Ельцине увеличилась до 11,2% в 1993 г., а затем до 17,4% в 1999 г. С приходом В. Путина их доля возросла почти до 25%, а в высшем руководстве государства — до 70%.

В. Путин сделал опору на силовую составляющую номенклатуры и, прежде всего, выходцев из бывших советских и действующих российских спецслужб, полагая, что так будет обеспечена стабильность власти. Однако опора на спецслужбы скорее способствует дестабилизации власти. Они, в ущерб выполнению профессиональных обязанностей по обеспечению безопасности граждан и государства, конфликтуя друг с другом, вмешиваются в работу госаппарата и экономическую сферу, незаконно «патронируя» бизнес и участвуя в предпринимательской деятельности. Об этом свидетельствует открытое письмо бывшего директора Федеральной службы контроля за оборотом наркотиков В. Черкесова (в прошлом генерала КГБ СССР) о «междоусобице спецслужб» и роли «чекизма» в современной России¹. Силовики не смогли должным образом поучаствовать в первоначальном разделе власти и собственности, что естественным образом привело к обострению борьбы между номенклатурно-олигархическими группами.

¹ Черкесов В. «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев» // «Коммерсантъ». 2007. 9 октября. №184.

С 2000 г. в России начался новый передел власти и собственности. Сначала в госбюрократии, а затем и в целом в номенклатурных кланах лидирующие позиции заняли земляки президента В.Путина из Санкт-Петербурга и его сослуживцы по КГБ СССР, а также тесно связанные с ними бывшие советские номенклатурные кадры. Конгломерат стремящихся к доминированию новых номенклатурно-олигархических группировок и удачно мимикрировавших старых – вытеснил часть прежних кланов, пытавшихся сохранить свои позиции. При этом с приходом к власти команды во главе с В. Путиным количество доминантных номенклатурно-олигархических группировок заметно возросло, и они стали значительно богаче. Так по данным журнала Forbes число российских долларовых миллиардеров увеличилось почти в 14 раз: с 7 человек по итогам 2001 г. до 96 по итогам 2016 г.

Свойственная российской номенклатуре тенденция к расширению, особенно в части государственной бюрократии, проявилась в почти двукратном росте численности работников госорганов и органов местного самоуправления с 1163,3 тыс. чел. в 2000 г. до 2146,3 тыс. чел. в 2016 г. [Российский статистический ежегодник, 2017].

Сегодня номенклатура по персональному составу ощутимо отличается от своей советской предшественницы. Однако основным механизмом формирования нынешней номенклатуры остается протекционизм — назначение на административно и экономически значимые должности по критерию личной преданности клану и его лидерам. А основным механизмом вертикальной мобильности в номенклатурной среде — «хождение по трупам», умение во время предать и перейти в тот клан, который становится доминирующим, побеждая в постоянной межклановой борьбе за власть и ресурсы.

Достижение личного материального обогащения и социального превосходства в форме финансовых активов и владения собственностью — основная цель российской номенклатуры. Поэтому для нее, так же как и для номенклатуры советской, государственная власть — это, прежде всего, средство удовлетворения ее материальных и социальных устремлений, а основа ее жизнедеятельности — использование в личных корыстных интересах должностных полномочий и административного ресурса государственной власти.

Но есть и существенные отличия правящей российской номенклатуры от номенклатуры советской. Корыстные устремления советской номенклатуры не могли распространяться за пределы СССР, отгороженного даже от государств соцлагеря «нерушимыми границами», а от остального мира — «железным занавесом». Для российской номенклатуры конечная и самая возжеланная цель — обеспечить роскошную жизнь себе и своим «чадам и домочадцам» в развитых и богатых странах, таких как США и страны ЕС. Поэтому, согласно классификации М. Олсона [Олсон, 2012], советская номенклатура — суть «стационарный бандит», обирающий подвластных, но не «до нитки», а оставляя им возможности для существования и даже некоторые ресурсы на развитие, чтобы поддерживать источник своих постоянных доходов. Российская номенклатура — это «кочевой бандит», максимально обирающий население захваченной страны и намеревающийся вовремя покинуть ее. Нынешняя номенклатура — это временщик, прямо не заинтересованный в стабильных политических и государственных институтах. Она создает лишь постоянно деформируемую институциональную ширму для прикрытия неформальных, основанных на властном принуждении и коррупции практик личного обогащения.

Принципиально важно, что номенклатура создала для себя широкие возможности передать по наследству не только статусные позиции в номенклатурной иерархии, но, прежде всего, захваченную собственность и капиталы. Это позволяет номенклатуре обучать своих наследников в зарубежных университетах для создания за границей плацдармов гарантированного сохранения капиталов и обеспеченной жизни.

В целом российский номенклатура, так же как и советская — это конгломерат постоянно конфликтующих друг с другом за власть и ресурсы политико-экономических кланов и их группировок. Однако советская номенклатура имела иерархическую, строго централизованную и формально регламентированную конструкцию. При этом и инкорпорация в советскую номенклатуру жестко регламентировалась и контролировалась ее внутренним жестким иерархически организованным стержнем — монополюс правящей КПСС, что обуславливало преимущественно закрытый характер советской номенклатуры [Крыштановская, 2005:103-109].

В результате событий 1990-х гг. из тела номенклатуры был «изъят» внутренний жесткий стержень, что сделало ее более гибкой и динамичной, расширило возможности проникать во все наиболее политически, экономически и социально значимые государственные и негосударственные институты и структуры, подчиняя их своему влиянию. Российская номенклатура постоянно стремится к расширению занимаемого пространства во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Ее представители, ставленники и наследники заняли ведущие позиции не только во всех акционерных обществах с государственным участием, занимающих монопольное положение в различных секторах экономики (Газпром, Роснефть, РЖД и другие), но и в крупных частных компаниях и банках, активно проникают в сферы образования, науки и культуры, возглавляют общественные организации и творческие союзы.

Произошла трансформация корыстных интересов номенклатуры непосредственно в финансовые активы и частную собственность, придав им рыночные формы. В связи с чем нацеленность российской номенклатуры на роскошную жизнь за пределами «горячо любимой родины» обуславливает ее существенно большую, чем у советской номенклатуры, гибкость в сфере экономики, приспособляемость к рыночным условиям и мировым экономическим порядкам, но исходя, прежде всего, из собственных интересов. Поэтому «оторвать» сегодняшнюю номенклатуру от госвласти и упразднить ее как социально-политическое явление еще сложнее, чем номенклатуру советскую.

С приходом к власти команды, возглавляемой президентом В. Путиным, в процессе регенерации номенклатуры начался переход от «скупки государства» политико-экономическими группировками к его коррупционному захвату. Захват государства — это высшая форма коррупции, при которой государственная власть приватизируется правящими политико-экономическими группировками. Все властно-принудительные полномочия и виды административного ресурса направляются на захват природных ресурсов, земли, основных потоков финансовых средств, государственной и частной собственности и имущества, самых прибыльных экономических активов. Это происходит как в государственном, так и в частном секторах, в сегменте наиболее влиятельных СМИ для их использования в целях материального обогащения членов правящих группировок [Нисневич, 2017: 28].

Коррупционный захват государства стал возможен в результате политического проекта по построению «вертикали власти», его реализация проводилась по стандартной схеме номенклатурной расстановки преданных кадров на все политически и административно значимые должности в госаппарате, судебной и правоохранительной системах, в спецслужбах и вооруженных силах. Это позволило взять государственную власть и процессы управления под тотальный контроль. Аналогично были проведены назначения в руководящие органы государственных и контролируемых государством корпораций, компаний и банков с целью взять под контроль финансовые потоки. Руководство основными СМИ позволило контролировать информационное пространство страны. В результате построения «вертикали власти» в постсоветской России окончательно сформировался правящий неавторитарный режим корпоративного типа, основа функционирования которого — политическая и экономическая коррупция в сочетании с властным принуждением [Нисневич, 2017: 123]. При этом господствующим социальным слоем стала российская номенклатура, уходящая корнями в номенклатуру советскую.

Заключение. После революционных событий начала 1990-х гг. в России исторически быстро произошло воспроизводство номенклатуры в качестве правящего социального слоя. Этому способствовали стратегические просчеты демократических политиков, пришедших к власти на революционной волне, а также тот факт, что на социальную и политическую авансцену вышел человек массового типа, эгалитарно ориентированный по-советски и потребительский воспринимающий государство, что создало благоприятные условия для развития авторитарной тенденции. Регенерация номенклатуры, начатая «скупкой государства» номенклатурно-олигархическими группами, резко интенсифицировалась в период второго срока президентских полномочий Б. Ельцина, а с приходом к власти команды, возглавляемой президентом В. Путиным, был осуществлен коррупционной захват государства посредством построения «вертикали власти». Сегодня Россией вновь правит номенклатура, которая, хотя и имеет ряд существенных отличий от номенклатуры советской, но является ее прямой наследницей.

Правящая номенклатура действует, исходя из своих корыстных целей и интересов, и потому не имеет стратегического горизонта общенационального планирования. Она не способна не только определить перспективы развития российского общества и государства, но и обеспечить

его долговременную социально-экономическую и политическую устойчивость. Выстроенная ею вертикаль политической и государственной власти не способна эффективно управлять делами государства, обеспечивать поступательное развитие российского общества и государства. Это чревато серьезными социальными и политическими потрясениями, которые могут привести к катастрофическому кризису российской государственности вплоть до повторения судьбы СССР.

Введение ведущими странами Запада персональных санкций против наиболее влиятельных представителей правящей российской номенклатуры способно нанести серьезный удар по их жизненному кредо — добывать капиталы в России, а жить, если и не сейчас, то в будущем за ее пределами, в развитых странах. Замораживание банковских счетов, арест недвижимости и отказ в выдаче виз ставит правящему в России социальному слою извне «железный занавес». Это может подвинуть номенклатуру к определенной трансформации «назад в будущее» к номенклатуре советской, от кочевого бандита к стационарному по терминологии М. Олсена, что может привести к некоторому замедлению негативных тенденций, но не способно обеспечить долговременную социально-экономическую и политическую устойчивость российского государства.

Кардинальные изменения могут произойти только после того, как политическая система России пройдет точку бифуркации, которая, как можно предположить, будет порождена, прежде всего, глубоким социальным кризисом. В результате должна будет произойти замена правящей российской номенклатуры национально ориентированными политиками нового поколения, как это имело место в 1990-х гг. в ряде государств Центральной и Восточной Европы, но для того, чтобы снизить вероятность рецидива регенерации номенклатуры, необходимо будет провести очищение все системы публичной власти от ее представителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ, 2003.

Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. СПб.: Алетейя, 2007.

Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005.

Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. №5 (56). С.58-103.

Джилас М. Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. С.159-360.

Ельцин Б.Н. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: АСТ, 2000.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

Левада Ю.А. Сочинения: проблема человека. М.: Изд. Карпов Е.В., 2011.

Нисневич Ю.А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. М.: Юрайт, 2017.

Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003.

Приватизация по-российски /Коллектив авторов. М.: Вагриус, 1999.

Российский статистический ежегодник 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

Сафронов В. Отношение к демократии в России: конец эпохи Ельцина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. №3. С. 24-39.

Советский простой человек. М.: Мировой океан, 1993.

Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. World Bank, Policy Research Working Paper. 2000. No. 2444. P.1-42.

Nisnevich Yu. A., Rožič P. Lustration Matters: a Radical Approach to the Problem of Corruption // Studies in Comparative International Development. 2016. Vol. 51. Iss. 3. P.257-285.

Статья поступила: 23.01.18. Финальная версия: 26.03.18. Принята к публикации: 04.04.18.

REGENERATION OF THE NOMENCLATURE AS A RULING SOCIAL STRATUM IN THE POST-SOVIET RUSSIA

NISNEVICH Yu.A.

National Research University Higher School of Economics

Yuliy A. NISNEVICH, Dr. Sci. (Pol.), Prof., Department of Political Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (jnisnevich@hse.ru).

Abstract. This article provides insight into regeneration of nomenclature as the ruling social stratum of post-Soviet Russia after the revolutionary events of 1990. This type of political establishment is not a state bureaucracy or a meritocratic elite, but a social phenomenon generated and ontologically inherent in the Soviet political regimes.

The process of regeneration of nomenclature started when the representatives of the Soviet nomenclature filled the structures of the new Russian government. "Privatization in the Russian style" contributed to the process and led to the formation of nomenclature-oligarchic clans. These clans and their struggle for power and resources form the basis of the vital activity of the Russian nomenclatura.

During the second term of Boris Yeltsin's presidency, the process of "buying up the state" by nomenclature-oligarchic clans and incorporation of their representatives and lobbyists into executive and legislative power structures significantly intensified. Operation "successor," which brought Vladimir Putin to power in 2000, finalized the formation of the nomenclatura-oligarchic regime as the ruling regime in post-Soviet Russia and Russian nomenclatura as the dominant social stratum.

Keywords: nomenclature, elites, ruling social stratum, soviet heritage, post-soviet Russia

REFERENCES

- Dzhilas M. (1992) New Class. In: Dzhilas M. *The Face of Totalitarianism*. Moscow: Novosti: 159-360. (In Russ.)
- El'tsin B.N. (2000) *Presidential Marathon. Reflections, Memories, Impressions*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Fighting windmills? Social and Anthropological Approach to the Study of Corruption* (2007). Saint Petersburg: Aleteyya. (In Russ.)
- Goldstone D. (2006) To the Theory of the Fourth Generation Revolution. *Logos [Logos]*. No. 5 (56): 58-103. (In Russ.)
- Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. (2000) Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. *World Bank, Policy Research Working Paper*. No. 2444: 1-42.
- Kryshтанovskaya O. (2005) *Anatomy of the Russian Elite*. Moscow: Zakharov. (In Russ.)
- Levada Yu.A. (2011) *Works: the Problem of Man*. Moscow: Izd. Karpov E.V.
- Nisnevich Yu. A., Rožič P. (2016) Lustration Matters: a Radical Approach to the Problem of Corruption. *Studies in Comparative International Development*. Vol. 51. Iss. 3: 257-285.
- Nisnevich Yu.A. (2017) *Politics and Corruption: Corruption as a Factor in the Global Political Process*. Moscow: Yurayt. (In Russ.)
- Olson M. (2012) *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Ortega-i-Gasset J. (2003) *Revolt of the Masses*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Privatization in the Russian-Style* (1999). Moscow: Vagrius. (In Russ.)
- Russian Statistical Yearbook* (2017) URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (accessed 15.01.2018). (In Russ.)
- Safronov V. (2007) Attitude to democracy in Russia: the end of the Yeltsin era. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research [Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovih issledovaniy]*. No. 3: 24-39. (In Russ.)
- Soviet Simple Man* (1993) Moscow: Mirovoy Okean. (In Russ.)
- The Great Encyclopedic Dictionary* (2003). Moscow: AST. (In Russ.)
- Voslenskiy M. (2005) *Nomenclatura*. Moscow: Zakharov. (In Russ.)

Received: 23.01.18. Final version: 26.03.18. Accepted: 04.04.18.